

11. Хайдеггер М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М. : Научная мысль, 1993.

Анотація. В статті розглядається стильова синкретичність творчості митців-модерністів. На прикладі художнього світу Ф.Кафки йдеться про належність письменника до модерністських літературних напрямів, а також про наявність символічного світосприйняття та визначення індивідуального стилю письменника.

Ключові слова: синкретизм, стиль, модернізм, мотиви.

Summary. The style syncretity of the creative work of the masters-modernists is studied in the article. On the example of artistic world of F. Kafka it is said about belonging of the writer to the modernistic literary trends, and also about the presence of symbolic world perception, and determination of individual style of the writer.

Key words: syncretism, style, modernism, motives.

УДК 81.4:8138/801.82

ПОЛЯКОВА Т.М.

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Обращаясь к украинской тематике, русские писатели XIX века использовали украинский языковой материал в значительном объеме. Прежде всего – это фрагменты живого разговорного языка в прямой речи украинских персонажей, всевозможные вкрапления, сопровождающиеся (как элементы иной лингвокультуры) различными приемами пояснения.

Предметом данного исследования является взаимодействие русского и украинского языков на страницах художественных произведений В.Г. Короленко и А.И. Куприна. Указанное взаимодействие включает в себя как конкретное взаимовлияние, так и ограниченное контекстуальными рамками, вызванное обращением писателей к общей этимологии восточнославянских языков, стилистической спецификой повествования, грамматическими особенностями языков определенного исторического периода.

В произведениях В. Короленко, связанных с украинской темой, фиксируется активное употребление глагольных форм, находящихся на “границе” двух лингвокультур, что является авторским приемом украинизации русского дискурса. Подобные глаголы принадлежат украинскому языку и в то же время характеризуются русским областным (диалектным) употреблением. Такие лексемы отмечаются в Толковом словаре В. Даля, где в словарной статье, помимо прочих (указывающих на стилевую принадлежность), могут присутствовать пометы “южное”, “юго-западное”. Например: *вечерять* – “пенз., смол., новг. ... ужинать” [Даль, I, 189] (“Должно быть, у старухи с дочкой нечем было *вечерять*, незачем было и светить” [2, 240]); *брехать* – “юж. и запд. лаять, гавкать, как собака; лгать, врать, говорить... на ветер; хвастать; клеветать; в зн. *лгать*, слово это встречается и в других губ., напр. в нижг. и птбр. || Влгд. и вят. кричать, шуметь, драть горло в брани...” [Даль, I, 127] (“– *Брешешь, брешешь*, как рудая собака” [2, 241]). Перечень таких глагольных форм существенен: *осердиться, лаяться, отчинить, похилиться, подыхивать, хапнуть, малевать, намалеваться, ожениться, балакать, кликать, дозволять* и др. Герои В. Короленко нередко отражают увиденные инокультурные реалии через призму своих, украинских понятий, тем самым выделяя в них общие функциональные признаки: “Как вдарит в бубен, пойдет бесноваться да *кликать*, тут к нему (к якуту. – Т.П.) нечисть эта из-за леса и слетается” [2, 368] (*кликать* – “сев. взывать, вещать, кричать; || *кого*, звать, призывать, кричать кого, куда-либо” [Даль, II, 118]; ср. укр. *кликати*/рус. “звать”, книжн. “призывать”, разг. “кликать”, “вопить” [УРС 1977, 309]).

Примечательно, что из синонимического ряда, синонимической пары русских лексем предпочтительными для писателя являются те единицы, которые характерны и для украинского языка (т. е. общие для лексики двух языков), что, несомненно, придает произведению украинский дух. Такие лексемы могут не только преобладать в тексте в сравнении с возможным единичным употреблением других русских слов (например, укр. *гать* / рус. “*запруда*, гать”; укр. *сорочка* / рус. “*рубашка*, рубашка, сорочка”; укр. *верба* / рус. “верба, ракета, *ветла*, ива”; укр. *круча* / рус.

“круча, обрыв, откос”; укр. *паскудний* / рус. “гадкий, скверный, поганный, дрянной, паскудный”, где “*поганный*”, в свою очередь, номинирует “по-украински” рус. “плохой” и т. д.), но и употребляется единственно, без других русских вариантов (укр. *тин, перелаз* / рус. “тын, перелаз, плетень, изгородь”; укр. *бугай* / рус. “бугай, выпь”; укр. *явор* / рус. “явор, клён”; укр. *рудой* / рус. “рыжий, рудой”).

Отмеченное словоупотребление свидетельствует о следующем. Можно предположить, что в результате пребывания В. Короленко на севере России активизировалось употребление писателем, личностью-билингвом, русской лексики, находящейся в словарном пассиве (устаревшей, диалектной и т. д.). Однако явления подобного рода не фиксируются в его произведениях, не относящихся к украинской тематике. Таким образом, присутствует стилистическая мотивация, хотя употребление формально-семантических дублетов, как равноправных, отражает реальное развитие русского и украинского языков периода В. Короленко.

Прямая речь персонажей включает национально-специфическую для украинского языка грамматическую форму – звательный падеж, выражающий по своему значению форму обращения, образованную от нарицательных и собственных имен. Украинская звательная форма фиксируется во многих произведениях В. Короленко, которые воспроизводят диалог украинских героев (например, в рассказе “Лес шумит”: *козаче, хлопче, хлопчику, братику, деду, голубонько, пане, Ромасю, Оксану*; в “Малорусской сказке”: *мамо, мамонько, доню, ясочко, небораче, громадо, Галю, Олено* и т. д.). Параллельно, подчеркивая общность развития восточнославянских языков, писатель вкладывает в уста действующих лиц древнерусские формы обращения типа *человече, отче* (“Малорусская сказка”), т. е. привлекает сохранившиеся в произведениях устного народного или литературно-поэтического (в качестве элементов стилизации) творчества “остаточные” формы звательного падежа, утрата которого русским языком отмечается в памятниках письменности с начала XI века [4, 124].

Употребление в русскоязычном тексте лексемы *бахорь* в значении, свойственном украинскому языку (украинский литературный вариант – *бахур*), освещает глубины этимологической общности двух языков с дальнейшей семантической дифференциацией диалектной русской и украинской единицы на основе общих сем (ср.: “*бахур* ... 2) обл. мальчуган, ребенок [Лиш небіжка Доця за мною йшла, а бахурі полетіли, як вітер (Стеф.)]” [УРС 1953, 37]; “*Бахур*... 3. діал. Хлопець; дитина” [СУМ, I, 114]; “*бахур* ... [*бахор*][“хлопчик, шибеник... ст. бахурь “еврейська дитина (1616)...” [ЕСУМ, I, 153] и “нвг. влгд. ниж. вят. Бахорить – болтать..., гуторить; || говорить лишнее... *безлич. Бахарь, бахирь... ж. бахора, бахоря*... говорун, краснобай...; *бахорь* арх. внезапный порыв ветра на суше, жестокий вихрь..., бурелом...” [Даль, I, 56]). Иллюстративный пример у В. Короленко: “...Янкель, или Янкелиха, а то и *бахори* только следили зоркими очами, чтобы как-нибудь пятак или двадцатка вместо выручки не попала... в карман Харьку”; “Вот собрала Янкелиха своих *бахорей*... и побрела пешком из Новой-Каменки. *Бахори* за нею... Двух несла на руках, третий тащился, ухватясь за юбку, а двое старших бежали вприпрыжку...” [2, 237, 249].

Литературно-художественное творчество А. Куприна в отношении исследуемой проблемы представляется чрезвычайно богатым и разнообразным материалом.

Фрагменты украинской речи А. Куприн передает только транслитерацией. Взаимодействие русского и украинского языков в речи простонародья отражено колебанием грамматических форм лексем, употреблением грамматических конструкций украинского языка в русской фразе: “Дуже больно, ваше благородие, *не можно* (укр. “не можна”/рус. “нельзя” – “можно”. – Т.П.) вытерпеть” [3, II, 528]; “... иду я *по... улици* (рус. “по улице”/укр. “по вулиці, вулицею”. – Т.П.)” [3, I, 396].

Грамматические украинизмы в прямой речи персонажей воссоздают социально-культурную ситуацию в Украине в последнее десятилетие XIX – первые годы XX века. Такие грамматические элементы являются следствием определенных расхождений и параллелей в нормах литературно-языкового выражения того времени, так как рассматриваются в качестве периферийных (разговорных или просторечных) элементов русской речи [1, 47]. В произведениях А. Куприна это различные синтаксические конструкции с подчинительной связью и ненормативным для русского литературного языка употреблением предлогов (детальный анализ расхождений см. [6, 437-438]), в большинстве случаев – с соответствующей (требуемой) заменой словоформ: “кабан *до воды* пришел” [3, III, 123], “*до тебя* пан приехал” [3, III, 217], “бежим *до хаты*” [3, III, 136], “*пью до вас*” [3, IV, 722], “я уже *с него* смеялся” [3, III, 116], “пан *с меня* смеется” [3, III, 220], “*за разных* водяных не знаю” [3, II, 492], “прогнал из раю *через бабу*” [3, II, 240].

Украинские герои А. Куприна могут являться так называемыми “грамотными” билингвами (в большинстве своем – это служащие, в сознании которых две лингвокультуры сосуществуют параллельно) – т. е. носителями русского и украинского языков в их нормированных вариантах. Находясь среди русскоязычного социума и общаясь преимущественно по-русски, подобные

персонажи (в эмоциональном порыве, для усиления выразительности речи) нет-нет да и употребят родное слово. Украинизмы “прорываются” в русскую речь выходцев из Украины (эмоционально-экспрессивная функция вкраплений), придавая их высказываниям родную национальную окраску. Например: “Вольный определяющий! Кто же так встает? Если начальство спрашивает, то вставать надо *швидко*, как пружина. Что есть знамя?”; “–А-а-а! – хрипит, стиснув зубы, Шаповаленко. – Ну, что я с тобой, Хлебников, буду делать? Бьюсь, бьюсь я с тобой, а ты совсем как верблюд, только рогов у тебя *нема*. Никакого старания. Стой так до конца словесности столбом” [З, III, 416-417]; “Эх вы, идиоты. *Шпаки!* Дррать вас!” [З, III, 532].

Авторская нейтральная речь иллюстрирует дифференциальную словопроизводность восточнославянской культуры *хата*: “...мы впервые увидели белые мазаные *хатенки* Малороссии” [З, III, 281]. Развернутое описание объекта освещает коннотацию русского производного: “Онисим... жил со своим внуком на краю села, около моста, в покосившейся на бок и глубоко вросшей в землю *хатенке*, у которой давным-давно развалилась труба, белая наружная обмазка отпала извилистыми кусками.., а стекла, кое-где замененные толстыми тряпками, стали от времени зелено-матовыми...” [З, III, 128]. Из ряда производных существительных украинского языка (“хатинка, хатинонька, хатиночка, хатка...”) русскому образованию в определенной мере соответствует “зменш.-пестливе хатинка” (от укр. “хатина” – “невелика вбога або стара хата” [СУМ, XI, 30-31]; ср. с подобным смысловым объемом лексемы *хатенка*, который реализуется в пределах куприновского предложения) и в большей степени – “уменьш.-уничиж. хатчина” [РУС, 1314]. Обращает на себя внимание тот факт, что в русском художественном дискурсе В. Короленко предпочтительными являются уменьшительно-ласкательные производные *хатка*, *хатынка*. В. Короленко, будучи билингом и украинцем по происхождению, избегает русифицированной формы *хатенка*, вмещающей к тому же уничижительный компонент в своей смысловой структуре. Культура *хатка* фиксируется как общее производное от *хата* для двух лингвокультур в современных и относительно современных украинских и русских лексикографических источниках; образование *хатенка* еще отсутствует у В. Даля, но уже отмечается академическим словарем современного русского литературного языка 1965 года, Словарем С.И. Ожегова и др. источниками. Ср.: “юж. зап. хатка, хаточка; хатина, -нка, хатишка; хатища” [Даль, IV, 543] и только “хатка, хатенка” в современных словарях [ССРЛЯ, 55; СРЯ, 747; БТС, 1440; РУС, 1314].

В нейтральной авторской речи произведений А. Куприна отражено взаимодействие близкородственных языков на грамматическом уровне – фиксируется контекстуальная парадигма словоизменения украинских мужских фамилий с окончанием на -о, нормативно являющихся в русском языке несклоняемыми. Например: “В моей комнате я застал конторщика соседнего имения – Никиту Назарыча *Мищенку*”; “У меня не хватило сил и терпения дослушать до конца рассказ *Мищенки*” [З, II, 316, 319]; “В собрании не было безмолвного *Леценки*”; “...спросил Ромашов тем развязным и умышленно громким голосом..., каким с *Леценком* в полку говорили все” [З, III, 381-382]; “Я забрался за кулисы и ... попался на глаза *Самойленке*, который долго и язвительно внашал мне, что театр – это храм искусства” [З, IV, 130].

Сходное явление такого взаимодействия (в определенной степени сходное, поскольку основа изложения – все тот же русский художественный дискурс, а объект влияния – украинские собственные имена) наблюдается у К. Паустовского (см. [5, 126-131]), когда “украинские варианты мужских имен на -о выступают как неизменяемые собственные имена, хотя в украинском языке – это склоняемые существительные” [5, 130]. Контекстуальное употребление украинского лексического элемента, а именно мужской фамилии (*Мищенки*, *Самойленке*, *к Дехтяренке*, *Мищенку*, *Леценком*...) можно рассматривать как его непосредственное вкрапление в русский художественный текст, подчинение же украинских антропонимов нормам русского литературного языка – как ассимиляцию лексических украинизмов на грамматическом уровне.

Обращаясь к украинской лингвокультуре, русские классики запечатлели образцы стилей украинского языка на рубеже XIX – XX веков, факты взаимовлияния и этимологической близости двух языков, что является ценными сведениями не только для лингвистической науки, но и для других смежных дисциплин (лексикографии, истории, затрагивающей социальный аспект, этнографии и других).

Список использованных источников

1. Ижакевич Г.П. Роль украинского языкового элемента в научном и эпистолярном наследии А.А. Потебни // Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія. – К., 1985. – С. 45-54.
2. Короленко В.Г. Избранные произведения. – М., 1948. – 672 с.
3. Куприн А.И. Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1957.
4. Можейко Н.С., Игнатенко А.П. Древнерусский язык. – Мн., 1979. – 256 с.

5. Озерова Н.Г. Українські культури в російському художньому дискурсі 20-х років ХХ ст. // Мовознавство. – 2005. – № 3-4. – С. 126-131.
6. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. – К., 2003. – 534 с.

Условные сокращения

- БТС – Большой толковый словарь русского языка. – С.-П., 2000. – 1536 с.
Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955.
ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7 т. – К., 1982.
РУС – Російсько-український словник. – К., 2003. – 1424 с.
СРЯ – Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – 797 с.
ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М., Л., 1965. – Т. 17. – 2126 с.
СУМ – Словник української мови: В 11 т. – К., 1975.
УРС 1953 – Українсько-російський словник: В 6 т. – К., 1953. – Т. I. – 506 с.
УРС 1977 – Українсько-російський словник. – К., 1977. – 944 с.

Анотація. У статті досліджується взаємодія російської і української мов на сторінках художніх творів російських письменників В.Г. Короленка та О.І. Купріна. Увага зосереджена на манері художнього творення дійсності притаманними для цієї дійсності лінгвальними знаками, що відбиває історичну, соціальну та культурну ситуацію двох суспільств. Контекстуальний взаємовплив східно-слов'янських лінгвокультур розцінюється і як факт їхньої етимологічної спільності та паралельного розвитку, і як засіб реалізації індивідуально-авторських задумів.

Ключові слова: російський художній дискурс, міжмовна взаємодія, лінгвокультура, авторський художній метод.

Summary. This article examines the reciprocal influences of the Russian and Ukrainian languages on the pages of the literary works of Russian writers V.G. Korolenko and A.I. Kuprin. Attention is focused on the way that a sense of reality is artistically created by means of linguistic symbols specific to this reality, which reflects the historical, social, and cultural situation of two societies. The contextual mutual influence of the Eastern Slavic linguacultures is evaluated both as a fact of their etymological commonality and parallel development, and as a means of realizing individual authorial intentions.

Key words: Russian literary discourse, languages interaction, linguacultureme, author's artistic method.

УДК 821.111-3:821.161.2.09"18"

ПОПАДИНЕЦЬ О.О.

ХУДОЖНІ ЗАСОБИ СТВОРЕННЯ ІСТОРИЧНОГО І МІСЦЕВОГО КОЛОРИТУ В РОМАНАХ В. СКОТТА І М. СТАРИЦЬКОГО

На початку ХІХ століття англійський роман став світовим. Хоч який був великий вплив Річардсона, Гольдсмита та Філдінга в Німеччині та Франції, проте він був малим, якщо порівняти його до впливу на весь світ творів В. Скотта. Романи В. Скотта ввійшли, як визначальна формуюча сила, не тільки у творчість західних письменників, вони мали вплив і на розвиток українського історичного роману (П. Куліша, М. Гоголя, М. Старицького та ін.).

Продукція його величезна, і всі його історичні романи, інколи не зовсім однакові художньою вартістю, важать дуже багато, бо, виступивши, як новатор, створивши справжній національний історичний роман, заснувавши школу, давши цілу літературну добу, блискучу йменнями великих митців, він сам і стилем, і мовою, і змалюванням характерів якнайкраще відтворив дух певної епохи, якнайхудожніше змалював драматичні моменти шотландської, англійської та загальноєвропейської історії, почавши з часів, як Англію завоювали нормани та аж закінчуючи ХVІІІ ст. Отже дав широку картину минулого, яскраво змалювавши історичні характери, поєднавши реалізм у побутових описах з поетичною ідеалізацією цих характерів, одночасно об'єктивно подаючи минуле життя західноєвропейських країн.

Творець найяскравішого вияву романтичної літератури, посідав у цьому чільне місце найголовнішою рисою своєї творчості. І ця риса – "couleur locale" його романів. Така риса – в